

христианских представлений. Из тщательного анализа конкретного, четко ограниченного материала делаются интересные выводы по поводу менталитета рядового византийца, его отношения к произведениям искусства вообще и античного, в частности.

Интересный ракурс исследования выбран также Марией Х. Санц. Обратившись к не раз привлекавшим внимание искусствоведов и, казалось, бы досконально изученным мозаичным портретам Юстиниана и Феодоры в церкви Сан-Витале в Равенне, она поставила своей задачей найти аналоги украшениям, деталям одежды, ритуальным предметам, выполненным в мозаике, в реальных образцах римского и византийского искусства, дошедших до наших дней. В статье Санц (№11–12) приводится множество фотографий и описаний крестов, ожерелий, брошей, фибул и т.п., хранящихся в разных музеях мира, и, как показывает автор, почти полностью соответствующих тем, что изображены на равенских мозаиках. Великое произведение искусства выдерживает таким образом еще один экзамен – на точность запечатленных в портретах аксессуаров.

Наиболее, пожалуй, цельным и четко ориентированным предстает в "Эритейе" ее лингвистический раздел. В работах проф. Педро Баденаса и его учеников последовательно прослеживается история греческого языка начиная от средневековья и вплоть до современности, причем акцент исследований – формирование языка в его народном варианте. Характерны

в этом плане результаты анализа копенгагенской рукописи "Морейской хроники", полученные Гоийтой Нуньес (№ 4), статья Хосе М. Энеа "Язык города в XII в." (№ 8-2), работы самого П. Баденаса "Греческий язык в раннем средневековье" (№6-1) и "Первые позднесредневековые тексты на народном греческом языке" (№6-2). Здесь уместно упомянуть также и другие труды этого испанского филолога, видного специалиста по средневековой и новогреческой словесности. Так, под скромным названием "Афинская рукопись о строительстве св. Софии" им опубликован интересный анализ разнообразных материалов, отражающих народную интерпретацию создания св. Софии на протяжении веков (№ 4). Практически неизвестные страницы истории греческого театра, связанные с его становлением в поствизантийский период, открываются в его статье "Дмитрий Мосхос и проблема греческого театра между 1453 годом и критским Возрождением" (№ 7-2). Знаеток греческого фольклора (см., в частности, его статью в № 2 "Новый греческий песенник"), поэт, переведший на испанский язык всего Кавафиса и Сефериса, Педро Баденас для Пеня – один из тех энтузиастов, благодаря усилиям которых родилась "Эритея".

Как мы пытались показать, возглавляемый им журнал имеет свое лицо и вправе претендовать на внимание византистов не только в Испании, но и за ее пределами.

Я.Н. Любарский, Н.Г. Рудина

K ü h n H.-J. Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert: Studien zur Organisation der Tagmata. (Byzantinische Geschichtschreiber. Ergänzungsband 2). Wien, 1991. 326 S.

Византистика не избалована исследованиями истории тагмных войск, игравших огромную роль в империи с середины X в. В этом отношении появление монографии Х.-И. Кюна – событие. Целью работы, представленной в 1988 г. как диссертация в Тюбингенском университете, является "попытка целостного изображения организации византийской армии" X–XI вв. с акцентом на судьбу такой ее "элитной части" как тагмы (с. 31). Исследование строится "структурно-исторически", т.е. организация тагм изучается в развитии, а не статично. Хронологические рамки разбора Кюн, однако, вынужден расширять хотя бы потому, что четыре тагмных формирования (сколы, экскувиты, вигла и иканаты), генетически восходя к поздней античности (с. 39, 72), приобретали все больший вес уже с VIII в. Что же касается разделения истории тагмного войска на два периода (в монографии, соответственно, на две основные части), то это определяется значимостью военных преобразований середины X в., так называемой реформы Никифора II Фоки.

Кстати, именно характер оценки Кюном данных преобразований в известной мере обуслов-

ливает методику работы и ее структуру. С одной стороны, он признает важность учета социального и экономического фона "реформы", а Никифора II называет представителем "нового социально ведущего слоя крупных землевладельцев, возвысившихся благодаря службе в армии", окончательно "отвернувшимся" от "широкого среднего сословия фемных стратиотов" и сделавшим ставку на "военную аристократию" (с. 126). С другой стороны, исследователь считает целесообразным говорить именно о реформе, усматривая в ряде соответствующих явлений X в. "выходящие за рамки нормально развития волевые акты преобразований", и хотя есть известный риск в разговоре о военных преобразованиях именно Никифора II, все-таки, по Кюну, этот император – "создатель нового византийского военного порядка" (с. 124, 126). Но специальное изложение социального фона реформы в данной книге Кюн не считает возможным.

Отсюда главное внимание автора направлено на эволюцию организационной структуры тагмных формирований, в которой как системообразующие элементы представлены для VIII –

середины X вв. императорские подразделения схол, экскувитов, виглы и иканатов¹, а для X–XI вв. – “расчлененное надвое верховное командование” (доместики схол Востока и Запада), дукаты и катепанаты, а также “новообразованные тагмы” (атанаты, стратилаты, сатрапы и т.п.) и “новые тактические командные должности и единицы” (стратопедархи Востока и Запада, этнархи и др.). Автор старается исторически рассмотреть каждый институт тагм, включая разбор наиболее важных из них иллюстрацией в виде списков деятелей, наиболее заметных в данных должностях. Последнее обстоятельство придает книге характер неплохого справочника.

Здесь мы опять-таки должны обратиться к методике Кюна, поскольку подобные списки (сам автор это четко оговаривает) – не просопографические пассажи, а эвристика лиц, чьи звания, должности и функции в достаточной мере отражены источниками. Но, во-первых, такой принцип выборки не всегда в книге соблюдается (о чем речь ниже), а во-вторых, сам Кюн, например, полемизируя с Ф. Винкельманом, не считает, что нужно “освободиться” от постулируемых византийцами схем военной организации и не предпринимать в то же время “новейших схематических реконструкций”. Византийские “табели о рангах”, по его мнению, отчасти являются отражением второго расчлененной государственной структуры, а интерес историка должен направляться на познание “стадий развития отдельных должностей и институтов” и на систематическое изображение их в системе всего здания византийских управленческих структур (с. 34). Другой вопрос – насколько те или иные группы источников отражают реалии византийской армии. Если, например, нарративные памятники часто называют титулатуру конкретных лиц вместо военных званий, а трактаты дают более строгие институционные понятия, то в отношении печатей Кюн призывает к максимальной осторожности ввиду проблем их датировки и атрибуции конкретным деятелям.

Поэтому составляя “офицерские списки” Кюн ограничивается группами командиров, чьи функции в тагмах обусловливались через ἀξιῶν διὰ λόγους. Ἀξιῶν διὰ βραβείου и командиры, о которых известно, что они занимали высокие посты (без уточнения источниками – какие), во внимание исследователем не принимаются.

Возникающие из-за этого лакуны, тем не менее, не мешают проследить основные линии развития тагмных институтов. Но трудности подстерегают здесь автора практически на каж-

дом шагу. Кюн, например, справедливо предлагает рассмотрение организации ранних тагмных формирований обзором развития фемных структур: действительно, последние серьезно влияли на эволюцию тагм. И вот здесь-то мы замечаем еще один аспект подхода автора к предмету исследования. Кюн не ставит даже в качестве частной задачи изучение структуры финансирования и обеспечения армии (с. 66), а уже хотя бы эти институциональные стороны военной организации подтолкнули бы к вопросам: почему во второй половине X в. число людей в воинских единицах в целом сокращается, а фемы дробятся (см. с. 57, 59, 62); почему, наконец, “стратотская милиция” старых фем к концу XI в. окончательно распадается, а профессиональная армия тагм стала “единственной” (?) вооруженной силой Византии (с. 132)? Корректное описание эволюции формирований тагм, изменения состава отрядов в пользу тяжелой кавалерии, вооружения, тактики нацелено на подкрепление вывода – к концу X в. сильно меняются способы ведения боевых действий. Вывод этот представляется далеко не бесспорным. Ведь даже когда Кюн упрекает В. Кэги за утрированную интерпретацию соответствующих источников (приписывающую византийцам пренебрежение конными лучниками как одну из причин поражения при Маншикерте), когда он подчеркивает силу войска XI в. “в ударе сплоченного кавалерийского формирования” и указывает на огромные трудности Византии в защите ее длинной границы, то в качестве тезиса, близкого к ответу на поставленные выше вопросы, мы обнаружим лишь констатацию возможности империи после реформы X в. “более гибко” реагировать на вражескую агрессию (с. 128, 129). Т.е. в конечном счете характер действий врага, будь то болгары, печенеги или сельджуки (с. 129), оказывается у Кюна ключом к решению проблемы организационных и тактических перемен в армии, сводящихся к превращению тагм из второстепенных в главные войска Византии.

Еще одна трудность обнаруживается, когда Кюн стремится проследить сосредоточение в руках одного человека нескольких почетных званий и соответственно нескольких постов. Но когда автор приводит примеры нередкой комбинации званий, проистекающих от двух различных должностных ступеней, в ряде случаев возникает сомнение в строгости аргументации. Если примером является сосредоточение в одних руках должности дуки Ани и стратига фемы Коговит, то в соответствующем “офицерском списке” Анийского дуката мы обнаружим лишь ссылку на сильно поврежденную печать XI в., опубликованную еще Г. Шлumberже, а позже соотнесенную В. Зайбтом с деятельностью Никиты из Мистен. Легенда моливдула (βέστης καὶ δοῦξ Ἀνίου, Μεγάλης Ἀρμενίας καὶ Κορωβίτ) однако вряд ли позволяет обнаружить в ней должность стратига (ср. с. 42, 204). Если обратиться к аналогичному примеру по Адрианопольскому дукату и феме Филиппо-

¹ Кюн по сути дела присоединяется к Д. Хелдону (*Haldon J.F. Byzantine Praetorians: An administrative, institutional and social survey of the Opsikion and Tagmata ca. 580–900* (Poikila Byzantina 3). Bonn, 1984. P. 228 f.), говоря о реорганизации дворцовых гвардейских подразделений при Константине V в элитные полевые отряды.

поль, то обнаружим ссылку на карьеру дуки Феодоракана, который "вероятно был идентичен" с неоднократно упомянутым Скилицей стратигом Филипполя (с. 42, 207). Такого рода "вероятность" подкреплена лишь ссылкой на осторожное предположение Н. Г. Адонца. Также весьма нестрого аргументирован тезис, что дука Фессалоники мог быть и стратигом фемы Серры (с. 42, 212).

В нарративе, используемом Кюном, неоднократно случаи четкого указания на должность и титул командиров в фемах, но здесь же достаточно часто одно и то же лицо, или же правители одной фемы носят различные титулы (ср. с. 34, 35). Это, например, Михаил Иасит, которого в одном случае Скилица называет катепаном, в другом — архонтом Иверии (с. 189, примеч. 13, 15). Тот же автор, касаясь событий 20–30-х годов XI в. в феме Васпуракан, чаще именует правителей этой фемы катепанами Василий Аргир, Георгий Маниак; лишь Никифор Комнин у Скилицы — архонт (с. 193, примеч. 9; 194, примеч. 10, 13). Эти конкретные несоответствия, разяснение которых не вошло в задачу Кюна, тем не менее вносят определенную путаницу в справочные разделы книги². Досадно непродуктивным оказывается также непривлечение Кюном в ряде случаев данных сигиллографических изысканий, специально посвященных *sursus honorigum* лиц, о которых мы знаем лишь из надписей и печатей (ср., например, данные о дуке Ани Асроне у Кюна — с. 204, а также у В.С. Шандровской и у Ив. Йорданова³).

Примером такого же порядка является неприятие Кюном аргументации Н.Г. Адонца и К.Н. Юзбашяна, датирующих правление Феодилакта и Романа Далассинов в феме Иверия 1022–1026 годами. Доводов к этому неприятию автор книги не приводит (с. 191). Нам же эта аргументация и датировка кажется обоснованной⁴.

² К примеру с титулатурой Михаила Иасита можно добавить, что в 1025/1026 и 1044/1045 гг. в фемах, где командовали Михаил Иасит и Никифор Комнин, находилась центральная армия. Возможно, правители этих фем вместе со своими воинами вливались в состав этой армии, переходили в подчинение ее командующему и их статус менялся. Подобная возможность, к стати, соответствует выводам Кюна (ср. с. 252).

³ Шандровская В.С. Неизвестные печати Аарона, магистра и дуки Иверии и Великой Армении и предрда и дуки (XI в.) // СГЭ. Вып. 37; *Yordanov I. Le molyvdovulle du vestes Jean Aaon* // Старобългаристика. 1990. 14(1). С. 106–110.

⁴ Недавно к точной датировке правления Романа Далассина в Иверии обратился В.П. Степаненко, атрибутирующий Роману изданную Г. Закомос печать "Романа, спафария, стратига Халдии и Иверии". Исследователь предполагает, что Роман был первым стратигом Иверии и правил в 1020–1021 гг. См.: Степаненко В.П. Роман, спафарий, стратиг Халдии и Иверии // Ист.-филол. журнал. 1991. № 2.

Очень тяжело, как показывает монография, решать вопрос о содержании организации и функций тагм, возникших в течение X–XI вв. в дополнение к дукатам и катепанатам. Причиной тому — скудость источников и широкий спектр их толкований. Отсюда, например, предположение Кюна, что атанаты были организованы по образцу и подобию ранних тагм (ибо, по "Тактикону" Икономидиса, "бессмертные" имели командующими доместика и топотирига); отсюда две интерпретации феномена тагм стратилатов, а также определенная гипотетичность причисления к тагмам формирования *Σατραπαι* (с. 244, 248, 249) и т.д.

В интерпретации генезиса (с середины X в.) так называемых "фемных" тагм Кюн по сути дела присоединяется к М.Григориу-Иоанниду: после стационарирования тагм на территории фем и в ходе сотрудничества формирований тех и других из их кадров образовывались новые тагмы. Кадры эти, по мнению Кюна, представляли собой "в военном отношении выверенную земельную аристократию" (с. 252).

Не меньшая трудность обнаруживается в изучении функций стратопедархов Востока, стратопедархов Запада, этнархов, таксархов и других, как их называет Кюн, "новых тактических командных должностей и единиц", большинство из которых обнаруживается опять-таки в "Тактиконе" Икономидиса (с. 260–280). Здесь символично даже то, что Кюн пренебрегает гипотетичностью превращения срочных функций этих командиров (и соответственно — подчиненных им формирований) в постоянные.

Как пример сложности вопросов о конкретном командовании, связанном с территориально-административными изменениями, возьмем ситуацию в феме Иверия в конце 30 — начале 40-х годов XI в. Кюн предполагает, что незадолго до 1040 г. дукой фемы был Алусиан, приводя данные Скилицы об исполнении Алусианом должности стратига Феодосиополя (с. 189). Главным аргументом Кюн считает то, что Феодосиополь был столицей византийской Иверии, но данных по этому поводу для конца 30 — начала 40-х годов XI в. источники не содержат. Скорее всего, Алусиан был стратигом малой фемы Феодосиополь⁵.

Иасит, бывший катепаном Иверии в 1037/1038 г., и Михаил Иасит, архонт Иверии в 1044 г., по Кюну, скорее всего, разные деятели. Исследователь лишь вскользь упоминает мнение К.Н. Юзбашяна об идентичности этих лиц, не приводя доказательств своей точки зрения. Между тем это достаточно важно. До 1044 г. ни один из известных нам правителей фемы Иверия не занимал пост дуки. Первым дукой Иверии стал именно Михаил Иасит, но толь-

ненко В.П. Роман, спафарий, стратиг Халдии и Иверии // Ист.-филол. журнал. 1991. № 2.

⁵ См.: Юзбашян К.Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX–XI вв. М., 1988. С. 164.

ко после присоединения к этой феме Ширак-Анийского царства в 1044 г. (ср. с. 203). Следовательно, говорить о дукате Иверия до 1044 г. нельзя. Лишь после 1044 г. в связи с увеличением территории фемы ее ранг был повышен до дуката. Поэтому Катакалон Кекавмен, Иоанн Монастырют, Аарон Болгарин и Баграт Вхкаши фигурируют в сигиллографических и эпиграфических источниках как дуки Иверии и Великой Армении Ани⁶. Исключение составляет лишь Лев Торник, бывший стратигом Иверии до 1047 г. (Вдпрос, связанный с его пребыванием в Закавказье, остается дискуссионным⁷. Можно предположить, что Лев правил Иверией как частью дуката Иверия и Великая Армения, который находился в 1045–1048 гг. под управлением веста Катакалона Кекавмена.

Поэтому можно поставить под сомнение разделение Кюном дукатов Иверия и Ани (Великая Армения) (с. 202). До 1044 г. существовал лишь катепанат Иверия, а позже (до 1064 г.) –

⁶ Там же. С. 185–188.

⁷ Там же. С. 186.

единый дукат Иверия и Великая Армения.

И еще одно замечание. Кюн слабо привлекает работы дореволюционных и советских византистов, – в том числе имеющие прямое отношение к истории армии X–XI вв. В Списке литературы (с. 11–29) мы не найдем, например, работ В.В. Кучмы, Г.Г. Литаврина, В.А. Арутюновой; не обнаружим и ссылки на важные для темы труды Ф.И. Успенского (Военное устройство Византийской империи // ИРАИК. 1990. Т. 6. Вып. 1. С. 154–204) и Ю. Кулаковского (Византийский материал лагеря конца X века // ВВ. 1903. Т. X. С. 63–90).

В заключение следует сказать: можно не соглашаться полностью или частично с методикой Кюна, можно выявлять ошибки и натяжки в конкретных наблюдениях. Но нельзя не принимать во внимание, что он первым из западных специалистов в подобном объеме, с четкой, продуманной композицией разбора огромного фактического материала обратился к проблеме организационной системы тагм X–XI вв. А всякая новация имеет право на ошибки.

А.С. Козлов, А.С. Мохов

Tabula Imperii Byzantini: Никополь и Кефаллиния, Киликия и Исаврия, Фригия и Писидия

Уже двадцать лет прошло со дня первой публикации венской серии "Tabula Imperii Byzantini", основанной Г. Хунгером, Серия представляет собой два вида работ. С одной стороны, это серийные историко-географические тома-комментарии к публикуемым картам отдельных областей Византийской империи (ТІВ). С другой – монографические аналитические исследования, сопутствующие первому типу изданий (VTІВ). Именно со второго рода книг, исследования Негропонта Й. Кодера¹, и начались публикации австрийской комиссии Tabula Imperii Byzantini.

К настоящему времени вышло семь выпусков атласов-каталогов (ТІВ) и четыре – монографических исследований (VTІВ). Отдельные тома из них дошли и до нас, на чем и останавливаемся подробнее.

В третьем выпуске ТІВ П. Соустал при участии Й. Кодера подготовил карты и объемные комментарии, посвященные Никополю и Кефаллинии². Эти византийские фемы занимали территорию древнеримского Эпира и примыкающих к побережью островов. Точные границы фемы Никополис не определены: помогают знания о пределах одноименной церковной епархии. В соответствии с принципами

издания, авторы исследуют терминологию изучаемого административно-территориального пространства и хронологию ее изменения: провинция Эпир, провинция Романия, деспотат, земли Акарнании и Этолии, Албания и Стария, а также собирательное "Дисис" ("Запад"), – все это применявшаяся в разное время и в различной связи номенклатура данного региона.

Географический очерк охватывает основные районы Никополя и Кефаллинии – Эпира, Этолии, Акарнании, островов Ионического моря – Керкиры, Пакоса, Левкаса, Итаки, Кефаллинии, Закинфа. Коротко характеризуются и климат. Значительную часть труда составляет очерк исторического и административно-территориального развития области. В хронологической последовательности рассматриваются данные источников, начиная с позднеантичных (IV–VI вв.). Специальное внимание уделено вопросам славянского расселения с конца VI в. – путем проникновения славян в регион, зонам их распространения, роли склавиний в политико-административной жизни новообразованной фемы. Эти проблемы освещены прежде всего в свете данных разноязычных и разнотипных источников. В этой же связи проанализированы и аспекты византино-арабских взаимоотношений на море в борьбе за острова в VIII–IX вв. Следующий период истории региона связан с его ролью западного византийского пограничья, на сцене которого разыгрывались эпизоды войн с арабами, болгарами, затем – норманнами (X–XII вв.).

Одной из важнейших является эпоха самостоятельного Эпирского государства, сформировавшегося после IV Крестового похода:

¹ Koder J. Negroponte: Untersuchungen zur Topographie und Siedlungsgeschichte der Insel Euboa während der Zeit der Venezianerherrschaft (VTІВ 1). Wien: Verlag d. Österreich. Akad. d. Wissensch., 1973. 191 S. 76 + 16 Abb., Kart.

² Soustal P., Mitw. Koder J. Nikopolis und Kephalenia (ТІВ 3). Wien: Verlag d. Österreich. Akad. d. Wissensch., 1981. 325 S., 2 Kart.